

УДК 343.326(575.2)

DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-104-108

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Г.Б. Жунушова

Аннотация. В период с 2019 по 2021 годы состав диверсии в Кыргызской Республике был декриминализован. В модернизированное уголовное законодательство диспозиция уголовно-правовой нормы, предусматривающей наступление уголовной ответственности за совершение диверсии, перенесена в неизменном виде из первой уголовной кодификации независимой Кыргызской Республики. Автор производит уголовно-правовой анализ состава диверсии и отмечает, что в норму ст. 325 нового Уголовного кодекса Кыргызской Республики не включены квалифицирующие признаки, повышающие общественную опасность диверсии. Предлагается дополнить рассматриваемую уголовно-правовую норму рядом квалифицирующих признаков, повышающих степень общественной опасности диверсии. Учитывая тот факт, что в истории развития уголовного законодательства Кыргызской Республики уголовно-правовая норма, предусматривающая наступление уголовной ответственности за совершение диверсии, остается без необходимого развития, автор формулирует предложения по совершенствованию данной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: диверсия; объективные признаки; взрыв; поджог; безопасность государства; субъективные признаки; квалифицирующие признаки; уголовное законодательство Кыргызской Республики.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МЫЙЗАМЫ БОЮНЧА ДИВЕРСИЯ ЖАСОО ҮЧҮН ЖАЗЫК ЖООПКЕРЧИЛИГИ

Г.Б. Жунушова

Аннотация. 2019-жылдан 2021-жылга чейинки мезгилде Кыргыз Республикасында диверсиянын курамы декриминализацияланган. Модернизацияланган жазык мыйзамында диверсия жасагандыгы үчүн жазык жоопкерчилиги болорун караган жазык-укуктук ченемдин диспозициясы эгемендүү Кыргыз Республикасынын биринчи кылмыш-жаза кодификациясынан өзгөртүлбөй көчүрүп алынган. Автор диверсиянын курамына кылмыш-укуктук талдоо жүргүзөт жана Кыргыз Республикасынын жаңы Кылмыш-жаза кодексинин 325-беренесинин ченемине диверсиянын коомдук коркунучун күчөтүүчү квалификациялоочу белгилер камтылбагандыгын белгилейт. Автор каралып жаткан жазык-укуктук ченемди диверсиянын коомдук кооптуулугун жогорулатуучу бир катар квалификациялоочу белгилер менен толуктоону сунуштайт. Кыргыз Республикасынын кылмыш-жаза мыйзамынын өнүгүү тарыхында диверсия жасагандыгы үчүн жазык жоопкерчилиги болушун караган жазык-укуктук ченем зарыл болгон өнүгүүсүз калгандыгын эске алып, автор аталган жазык-укуктук ченемди жакшыртууну сунуштайт.

Түйүндүү сөздөр: диверсия; объективдүү белгилер; жардыруу; өрт коюу; мамлекеттин коопсуздугу; субъективдүү белгилер; квалификациялоочу белгилер; Кыргыз Республикасынын кылмыш-жаза мыйзамы.

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR COMMITTING SABOTAGE OF THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC

G.B. Zhunushova

Abstract. In the period from 2019 to 2021, the composition of sabotage in the Kyrgyz Republic was decriminalized. In the modernized criminal legislation, the disposition of the criminal law provision providing for the onset of criminal liability for committing sabotage was transferred unchanged from the first criminal codification of the independent Kyrgyz Republic. The author makes a criminal-legal analysis of the composition of sabotage and notes that the norm of Article 325 of the new Criminal

Code of the Kyrgyz Republic does not include qualifying signs that increase the public danger of sabotage. The author proposes to supplement the criminal law norm under consideration with a number of qualifying signs that increase the degree of public danger of sabotage. Taking into account the fact that in the history of the development of the criminal legislation of the Kyrgyz Republic, the criminal legal norm providing for the onset of criminal liability for committing sabotage remains without the necessary development, the author formulates proposals for improving this criminal legal norm.

Keywords: sabotage; objective signs; explosion; arson; state security; subjective signs; qualifying signs; criminal legislation of the Kyrgyz Republic.

Отношение отечественного законодателя к вопросу установления уголовной ответственности за совершение диверсии представляется неоднозначным, что подтверждается не только наличием периода декриминализации диверсии, но и отсутствием полноценного развития законодательной конструкции диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей наступление уголовной ответственности за диверсию.

Впервые в истории развития национального уголовного законодательства Кыргызской Республики норма об уголовной ответственности за диверсию была включена в Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 [1] (далее по тексту – УК КР 1997 года). В диспозиции ст. 298 УК КР 1997 года законодатель устанавливал уголовную ответственность за «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности или обороноспособности либо с целью дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки Кыргызской Республики» [1].

Ст. 298 УК КР 1997 года, устанавливающая уголовную ответственность за диверсию, действовала в своей первоначальной редакции весь период действия УК КР 1997 года. По нашему мнению, такой подход отечественного законодателя объясняется не совершенством юридической конструкции данной уголовно-правовой нормы, а, скорее, отсутствием должной правоприменительной практики. Из этого следует, что правоприменителями не ставилась в числе приоритетных задача разработки направлений по совершенствованию конструкции объективной стороны диверсии и последующему включению таких изменений в уголовно-правовую норму. Подтверждением данного умозаключения

является факт наличия «вакуума» научных исследований, посвященных уголовно-правовому анализу состава диверсии по законодательству Кыргызской Республики.

В пришедшем на смену УК КР 1997 года модернизированном Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года [2] (далее по тексту – УК КР 2017 года) состав диверсии был декриминализован. Декриминализация диверсии, по нашему мнению, выступала неоправданной ввиду высокой общественной опасности данного преступления [3, с. 84].

После очередного витка реформы уголовного законодательства и принятия Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 [4] (далее по тексту – УК КР) уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за диверсию, вновь была включена в отечественное уголовное законодательство. Действующая редакция диспозиции ст. 325 УК КР полностью идентична диспозиции ст. 298 УК КР 1997 года. Рассмотрим особенности ее законодательного закрепления.

Ст. 325 УК КР размещена отечественным законодателем в гл. 41 УК КР «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Исходя из содержания диспозиции ст. 325 УК КР и ее расположения в структуре уголовного закона, следует, что видовым объектом диверсии выступают общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности государства (национальной безопасности). Наиболее общее определение понятия национальной безопасности предлагает С.А. Пугачев: «национальная безопасность – гарантированная конституционными, законодательными и практическими мерами защищенность и обеспеченность национальных интересов государства» [5, с. 82]. В нормах действующей Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года № 570 (далее по тексту – Концепция

национальной безопасности КР) закреплено следующее определение национальной безопасности: «национальная безопасность – гарантированное состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз» [6].

В диспозиции ст. 325 УК КР перечислены цели преступного посягательства «подрыв экономической безопасности или обороноспособности <...> дестабилизации деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки» [4]. Следовательно, из данных целей направленности преступного посягательства можно выделить следующие непосредственные объекты преступления, т. е. общественные отношения, приоритетом охраны которых выступает:

- экономическая безопасность;
- обороноспособность;
- деятельность государственных органов;
- общественно-политическая обстановка.

Экономическая безопасность государства представляет собой, согласно Концепции национальной безопасности КР, «состояние экономики, обеспечивающее ее устойчивое функционирование под воздействием различных угроз, позволяющее сохранять надежную управляемость социально-экономическими процессами, удовлетворять в необходимых масштабах общественные потребности и защищать экономические интересы личности, общества и государства на национальном и международном уровнях».

Понятие обороноспособности закреплено в ст. 1 Закона Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» от 24 июля 2009 года № 242: «элемент национальной безопасности и одна из важнейших функций государства, под которой понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита государственного суверенитета, территориальной целостности, общества и граждан Кыргызской Республики» [7].

Понятие «дестабилизация деятельности государственных органов» в нормах отечественного законодательства не раскрывается. Исходя из буквального толкования термина

«дестабилизация» следует, что под дестабилизацией в данном случае следует понимать любые значительные нарушения в реализации собственных функций государственными органами, возникшие под влиянием внешних событий, носящих криминальный характер.

Понятие «дестабилизация общественно-политической обстановки» отличается субъективным характером и допускает расширительное толкование правоприменителем. По нашему мнению, от включения в объекты преступного посягательства при диверсии следует отказаться, так как выделение такого непосредственного объекта посягательства при схожем насильственном исполнении объективной стороны допускает смешение состава диверсии (ст. 325 УК КР) с такими составами преступлений, как массовые беспорядки (ст. 278 УК КР) и акт терроризма (ст. 252 УК КР). Более того, в уголовных законодательствах других государств постсоветского пространства (например, в Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан) в диспозицию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение диверсии, такая цель, как «дестабилизация общественно-политической обстановки», не включается. Предлагаем отечественному законодателю перенять такой опыт.

Из содержания ст. 325 УК КР следует, что диверсия совершается действием. Ее объективная сторона находит свое внешнее выражение в совершении «взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения» [4]. Отечественный законодатель прибегает к формированию открытого списка преступных деяний, составляющих объективную сторону диверсии, и это представляется верным, так как в рамках уголовно-правовой нормы не представляется возможным перечислить все возможные способы совершения диверсии. Однако, ограниченное закрепление предметов преступного посягательства при диверсии нельзя признать оправданным. Тем более, что в условиях развития информационных технологий и научно-технического

прогресса появляются новые способы совершения рассматриваемого преступления, о чем свидетельствуют публикации в зарубежных средствах массовой информации. Так, например, журналист ВВС Гордон Корера (Gordon Corera) пишет о совершении диверсии, направленной на иранский ядерный объект, совершенной посредством кибератаки, вызвавшей отключение электроэнергии в сети распределения до срабатывания системы аварийного энергоснабжения. В результате этого были повреждены отдельные узлы на атомном объекте в Натанзе [8]. Следовательно, в настоящее время диверсия может исполняться без какого-либо физического воздействия на объект посягательства.

Следует отметить, что диверсия может находить свое внешнее выражение, например, в умышленном отравлении или загрязнении водоемов, направленных на возникновение массовых отравлений или распространении эпидемий. Однако, такие действия не охватываются диспозицией ст. 325 УК КР, а также выходят за пределы действия нормы ст. 304 УК КР (загрязнение вод). Нам в этой части импонирует позиция законодателя Республики Казахстан, который в диспозиции ст. 184 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V закрепляет, что диверсия совершается в числе прочего в целях «массового уничтожения людей, причинения вреда их здоровью, <...> а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий» [9].

Субъективная сторона диверсии характеризуется умышленной формой вины. При этом, при совершении диверсии умысел на ее совершение может быть только прямым. Также для правильной квалификации содеянного по ст. 325 УК КР следует установить наличие у виновного специальной цели, указанной в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

В соответствии с ч. 1 ст. 28 УК КР субъект диверсии определяется с учетом общих возрастных признаков субъекта преступления. Так, субъектом преступления по ст. 325 УК КР выступает физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста шестнадцати лет. Однако, учитывая общественно опасный способ совершения диверсии, по нашему мнению, целесообразно снизить возраст

уголовной ответственности за совершение диверсии до четырнадцати лет. Для этого следует внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 28 УК КР.

Следует отметить, что отечественный законодатель не устанавливает повышенной уголовной ответственности за совершение диверсии при групповом способе совершения преступления, а равно при установлении ответственности за диверсию, направленную на причинение вреда жизни и здоровью населения.

Как следует из общих правил установления повышенной уголовной ответственности за совершение групповых преступлений, при таком способе совершения преступлений увеличивается криминальная направленность личности преступника, повышается его общественная опасность. Преступники, совершающие преступления в группе, отличаются повышенным цинизмом, противопоставлением собственных интересов интересам общества и государства. Следовательно, включение в число квалифицированных признаков преступлений, совершенных групповым способом, и установление за такие преступления повышенной уголовной ответственности служат лучшему обеспечению защиты общественных интересов средствами уголовного закона. Что касается жизни и здоровья населения, то данные блага входят в число высших ценностей государства. Следовательно, преступные посягательства на них должны влечь повышенную уголовную ответственность. Учитывая изложенное, предлагаем закрепить ст. 325 УК КР в следующей редакции:

«Статья 325. Диверсия.

1. Совершение с целью подрыва экономической безопасности или обороноспособности государства взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения или другого имущества, – наказываются ...

2. Те же деяния, совершенные

- 1) группой лиц;
- 2) группой лиц по предварительному сговору;
- 3) организованной группой;
- 4) в составе преступного сообщества, – наказываются

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли причинение смерти человеку или иные тяжкие последствия, – наказываются ...».

Поступила: 11.05.22; рецензирована: 25.05.22;
принята: 27.05.22.

Литература

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 68 (утратил силу). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568> (дата обращения: 15.05.2022).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19 (утратил силу). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 15.05.2022).
3. *Жунушова Г.Б.* Проблемы декриминализации общественно опасных деяний, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства в новом уголовном законодательстве Кыргызской Республики / Г.Б. Жунушова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2018. № 9.
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.05.2022).
5. *Пугачев С.А.* Структура и основные принципы национальной безопасности в Кыргызской Республике / С.А. Пугачев // Вестник КРСУ. 2010. № 1.
6. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики от 20 декабря 2021 года № 570. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815?cl=ru-ru> (дата обращения: 15.05.2022).
7. Закон Кыргызской Республики «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» от 24 июля 2009 года № 242. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202668> (дата обращения: 15.05.2022).
8. Iran nuclear attack: Mystery surrounds nuclear sabotage at Natanz by Gordon Carera. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-56722181> (дата обращения: 15.05.2022).
9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=195;-100&pos2=2717;-94 (дата обращения: 15.05.2022).